

Дом

Екатерина Осиповна Преображенская

Екатерина Осиповна была из самых коренных жителей Дома – она въехала в него в год его заселения, в 1954 году. Долгие годы жила в четвертом подъезде, на пятом этаже, в огромной коммунальной квартире № 71, в которой она занимала центральную комнату, по габаритам и устройству напоминающую зал: стеклянные большие двери, лепной потолок, два окна во всю стену с видом на Комсомольский проспект, четкий прямоугольник четырех стен. Прямо напротив ее окон через дорогу возвышался новейший корпус Пермэнерго, и это по-своему было замечательно: вечером, когда Пермэнерго сияло своими подсветками, в комнате Екатерины Осиповны поселялся великолепный полумрак, огни Пермэнерго «ходили» по комнате причудливыми бликами, создавая нездешний романтический колорит. В него-то и вписывался знаменитый вольтеровский интерьер и дух этой необычной комнаты: посредине большой старинный стол в окружении шести кресел из эпохи Вольтера, антикварные книжные шкафы, массивные кресла XVIII века, часть комнаты слева отгорожена раритетной ширмой, за которой находилась спальня бабушки, свекрови Екатерины Осиповны, Любови Давыдовны.

Я любила забегать в этот дом попозже, когда на улице зажигались огни и когда комната начинала жить в двоемирии: далекий вольтеровский век в полутенях музейной мебели, покой и ожившие знаки ушедших эпох – и вплотную огни проспекта за окном, шелест троллейбусов по асфальту, гудки автомобилей. Вот с этим ощущением жилища Екатерины Осиповны у меня было связано и восприятие ее самой: женщина, несущая в себе (и собой!) неведомую нам культуру, и женщина, вписанная прочно в сегодняшний день. В ней было равновесие веков, культур, границ, стилей. Помнится, она всегда употребляла глаголы второго спряжения по модели первого: они любят, они

чистют, они дружат; говорила с неповторимым французским прононсом, обладала речью изысканной, точной, не затруднялась с крылатыми цитатами и афоризмами, если подворачивался подходящий случай. Однажды она парировала полупьяному соседу, жалующемуся ей у лифта на домашние дразги: «Ты этого хотел, Жорж Данден». Не знаю, что чувствовал в этот миг «Жорж Данден», но, очевидно, от самого факта неожиданной причастности к чему-то непонятному он вдруг примирился с судьбой и замолк. Этот культурный шарм, внутренний изыск был в Екатерине Осиповне всегда, но всегда были и демократизм, открытость, простота. Молва приписывала ей Сорбоннское образование, которого, судя по рассказам сына, чьи воспоминания еще будут представлены в этом тексте, все же не было. Но, как ни странно, это для окружающих ее людей было неважно, потому что Сорбонна – как критерий культуры, воплощение ренессансного духа, знак глубокой образованности – была лично явлена в Екатерине Осиповне. Это была органика, заложенная от рождения, укрепленная воспитанием, помноженная на тяжкий опыт жизни. Как пишет З.В. Станкеева, «Екатерине Осиповне выпал на долю “счастливый билет” родиться в семье русских интеллигентов, где высоко ценились духовно-нравственные жизненные начала: трудолюбие, выполнение долга перед народом своим и обществом. Сама Екатерина Осиповна особо выделяла роль горячо любимой матери, в молодости закончившей известные своим демократизмом “бестужевские курсы” и активно трудившейся на ниве просвещения. Семейное воспитание плодотворным образом сказалось на формировании личности Екатерины Осиповны, характера сильного, независимого, творческого. Семья предопределила стойкий интерес к знаниям, русской и зарубежной культуре в частности. Как потом выяснилось, сформированные семьей личностные качества Екатерины Осиповны помогли ей выстоять в трудных условиях жизни и сохранить верность выбранному пути».

Екатерина Осиповна была человеком огромной силы духа, не сломавшимся в горьких испытаниях, не отчаявшимся, не жалующимся, не приbedняющим? – дворянка,

аристократка. Она и внешне несла это достоинство: всегда ходила с абсолютно прямой спиной, шла очень быстрой и энергичной походкой, одевалась чрезвычайно скромно, но со вкусом и пониманием минуты. Была привязана к одним и тем же вещам в одежде; помогая сыну и его семье, ничего не покупала себе. «Екатерина Осиповна, – свидетельствует З.В. Станкеева, – выделялась на общем фоне особой элегантностью внешнего и внутреннего облика. И для студентов, и для преподавателей она была образцом сдержанности, тактичности, воспитанности. Повышенная экспрессия – ни в одежде, ни в речи, ни в жестах – ей не была свойственна. Самим фактом своего существования на факультете она повышала его культурную планку». О том же вспоминает Елена Николаевна Полякова, работавшая в 60-е годы лаборанткой на кафедре Екатерины Осиповны: «Помню, как кафедральные женщины просто заставили ее купить материал и сшить новую юбку. Одевалась она “академически”: блузка, юбка и жакет или шерстяная кофточка. Очень долго у нее были длинные волосы, которые на затылке заворачивались в узел. Когда узел превратился в совсем седой узелок, ее уговорили подстричь волосы. Ей очень шла стрижка». Я помню, как на этапе стрижки Екатерина Осиповна стала членом парикмахерского салона, который организовала Сарра Яковлевна Фрадкина у себя дома, живя на одной площадке с Екатериной Осиповной, в 70-й квартире, и в котором раз в неделю над нашими головами колдовала знаменитый дамский мастер Полина Исааковна. Мы пропускали Екатерину Осиповну вне очереди, понимая, что стрижка – это не укладка. В этих домашних посиделках Екатерина Осиповна открывалась с новой стороны: она обладала прекрасным чувством юмора и вообще была очень смешлива. Совершенно бесподобно рассказывала новости о том, как растет внук Митька, какие задает вопросы, какие проделки устраивает. Вообще семья Саши (сына Александра Яковлевича), созданная в начале 60-х годов, и особенно рождение внука Дмитрия (Митьки) закрыло весь житейский горизонт Екатерины Осиповны. Е.Н. Полякова вспоминает: «Наши с Е.О. разговоры крутились вокруг Сашиной семьи, и у нас была своя лексика для этих разговоров: Бэла, Саша и Митя назывались “гаврики” (Е.О.

говорила: “Звонили гаврики”). Откуда это пошло, не помню. А Галина Кузьминична (мать Бэлы), у которой с Екатериной Осиповной были очень хорошие отношения, называлась “бабариха” (из Пушкина: “сватья баба Бабариха”)». Я знала семью Саши лично, потому что была подругой Бэлы. Это была красивая, счастливая пара, жившая в любви, доверии, радости. Действительно, сошлись две замечательные культурные среды: книжный мир обожаемого Екатериной Осиповной XVIII века и театральный мир родителей Бэлы (отец Н.Н. Рославлев – известный театральный режиссер, мать Г.К. Васильева – видная актриса пермского театра драмы). Саша был талантливым физиком, уехал в Москву поступать в аспирантуру к самому Ландау, Бэла, прелестная женщина, умница, театралка, уехала к нему и очень быстро стала стопроцентной москвичкой, стильной, элегантной, заметной деятельницей ВТО. Когда родился Митька, ставший центром обеих семей, у Екатерины Осиповны появился московский дом, куда она рвалась всей душой и при первой возможности ехала (или летела) к своим «гаврикам».

После смерти бабушки – Любви Давыдовны – Екатерина Осиповна заметно осиротела, не стало человека, которого она оберегала и который, несмотря на очень почтенный возраст (в 60-е годы ей было за 80 лет), вел хозяйство и держал дом: от Екатерины Осиповны, вечно бегущей после работы по магазинам в поисках продуктов, можно было слышать: «Бабушка просила купить сметану», «Я опять не могу найти нужную бабушке вермишель», «Сегодня у нас куриный бульон, и бабушка заказала рис». Любовь Давыдовна была в те годы самым старым человеком в подъезде и пользовалась у всех нас почтением и почетом. После ее ухода Екатерина Осиповна начала тяготиться своей огромной осиротевшей комнатой и вскоре переселилась на второй этаж в небольшую комнату в квартире, где жила очень большая и дружная семья Малеевых. Приходить туда в гости было сложно именно из-за большой перенаселенности, но Екатерина Осиповна очень любила свое новое жилище и своих новых соседей. Бэла, бывавшая в Перми, каждый раз говорила: «Екатерине Осиповне здесь хорошо. Здесь живут Люди(!), замечательные люди». Да, Малеевых знали в доме как

исключительно порядочных, дружных, родных людей. Сердечным мотором и центром этой семьи была Надежда Кирилловна, совмещающая в своем лице жену, мать, хозяйку, друга, волю, дух, мудрость. Среди этих добрых и сердечных людей Екатерина Осиповна чувствовала себя уютно и надежно.

Старинная дворянская культура, носительницей которой она была, проявлялась иногда довольно непривычно (по меркам традиционной советской жизни). Она, например, мгновенно краснела... за другого человека, его глупость, дерзкое слово не к месту, нарушение этикета. Я была ее студенткой и отлично помню, как ее на экзаменах и зачетах «заваливали» изумительными по изобретательности откровениями. Один сообщал с апломбом, что автором новеллы «Кармен» является Мэри Мэ, у другого Дон Кихот смело въезжал в Телемское аббатство, и въезжал он туда на своем боевом коне Ренессансе, третий утверждал, что Тур Хейердал – это африканское племя, для четвертого нимфа и дофин – одно и то же, кто-то переводит «Notre Dame de Paris» как «вдали показалась наша дама из Парижа». Выслушав эту несусветную чушь, Екатерина Осиповна краснела до корней своих седых волос и в растерянности только повторяла: «Помилуйте, как это может быть?». Но она была по натуре смешлива и добра, и когда «остроты» били через край, она от всей души смеялась и беззлобно говорила: «Ну и что же будем делать с вами, голубчик?» Краснея, оценку, как правило, ставила и с Богом отправляла на волю и лишь в редких случаях советовала «уточнить данные» и зайти к ней еще раз. Это была невозможная сегодня культура стыда, когда неловкость за другого доставляет душевную боль, страдание, но не раздражение, не желание унижить и за этот счет самоутвердиться и возвыситься.

Она была, в принципе, человек толерантный, широкий и все понимающий. В 1960-е годы она заведовала межфакультетской кафедрой иностранных языков, на которой работало 60 преподавателей – и все женщины! Это была единственная такая кафедра – не только самая большая, но и самая сложная: столько характеров, капризов,

нюансов! Екатерина Осиповна мастерски вела этот перегруженный корабль. Педагогическую тактику Екатерины Осиповны выразительно характеризует рассказанный З.В. Станкеевой эпизод: «Своего превосходства по отношению к преподавателям факультета Екатерина Осиповна не только не подчеркивала, она его скорее притушевывала, давая понять другому, что у него есть свои достоинства. Эта “тактика” в свое время окрылила и меня. После одной из лекций я в дверях столкнулась с Екатериной Осиповной, и она с ободряющей лукавинкой сказала: “А я, как видите, подслушивала!” и тут же в коридоре, экспромтом выдала совершенно оригинальный отзыв на услышанную часть моей лекции, в которой предлагался анализ “Моцарта и Сальери” в качестве иллюстративного материала к теме “Композиция литературного произведения”».

Елена Николаевна Полякова, начинавшая свою университетскую карьеру лаборантом на кафедре Екатерины Осиповны, а теперь уважаемый в университете доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, вспоминает: «Екатерина Осиповна очень доверяла преподавателям и лаборантам, опиралась на них. И на кафедре были прекрасные преподаватели и люди большой культуры, хорошие методисты: Е.Г. Книттель, Е.Н. Трегубова, Т.А. Попова, В.П. Воробьева, А.К. Берлина... Времена были трудные: в один “прекрасный” день кафедра получила приказание уволить половину преподавателей с бюджетных ставок и принять их на почасовую оплату. Преподаватели теряли стаж (4 месяца в году), теряли стабильную зарплату, и многие ушли. Екатерина Осиповна искала новые кадры, но приходили не лучшие люди, были и весьма скандальные особы, устраивавшие неприятные сцены. И Екатерине Осиповне приходилось не просто разговаривать с ними о работе, о курсах, но и внушать им, что они пришли в университет и должны вести себя соответственно. Она никогда не повышала голос, даже в самых сложных ситуациях, но мы видели, как нелегко ей это давалось (у нее дрожали руки). Кончилось все тем, что в университете одумались, снова вернули бюджетные ставки, но принимать на них пришлось уже этих “новеньких”. Летом 1960 г. начали

организовывать романо-германское отделение на филологическом факультете. У истоков его стояла Екатерина Осиповна, которой было поручено главное – обеспечить кадры. Помню, как меня отправили на поиски Н.Н. Мильман, о которой было известно, что она окончила Горьковский институт иностранных языков и находится где-то в Перми. Екатерина Осиповна уговорила Ю.П. Неронову уйти из педагогического института и возглавить романо-германскую кафедру, отдавала и хорошие кадры своей кафедры: уходили Т.А. Попова и кто-то еще (сейчас не помню)».

Сама Екатерина Осиповна, кроме иностранных языков, прежде всего немецкого и французского, которыми владела в совершенстве, читала на филологическом факультете курс зарубежной литературы. Это был фейерверк ума, образованности, вкуса, стиля. Из всех «зарубежников», прошедших в разные годы через филфак, с ней мог сравниться только Л.С. Гордон, очень недолго поработавший почасовиком, и, много позже, Н.С. Лейтес, которые по эрудиции и блеску лекторского мастерства представляли подлинно университетский уровень.

Занятие иностранными языками и литературой спасало Екатерину Осиповну от прямого участия в идеологических проработках и преследованиях, перманентно происходивших на университетском филфаке. Но это не ослабляло ее гражданской позиции, которая всегда была четкой и прогрессивной. «Левые» пристрастия, никогда не получавшие открытого публичного выражения (слишком много и незаслуженно была в молодости би?та), вызывали в ней сочувствие к тем, кто подвергался партийному «разносу», идеологическому гонению, преследованию. Тут она протягивала руку – буквально и метафорически. Вспоминаю небольшой, но показательный эпизод из бурной жизни филфака конца 60-х годов, когда мишенью очередного «удара» оказалась Рита Соломоновна Спивак. Круг близких людей вокруг нее резко тогда сузился: небезопасно было солидаризироваться. И вот однажды мы спускаемся с Ритой по широкой центральной лестнице второго корпуса. Настроение угнетенное. Навстречу вдруг выходит Екатерина

Осиповна и столь же неожиданно для нас останавливается, очень твердо перехватывает Риту за локоть и говорит: «Позвольте пожать вашу мужественную руку». Жест настолько впечатляет, что мы не сразу понимаем, о чем речь: ведь Екатерина Осиповна не была в эпицентре событий, но... гражданская совесть не ждет приглашения к диалогу, не запаздывает с соболезнованием, не бежит от «чумного». Мы с Ритой были в восторге от этой человеческой малости, которая по тем временам дорогого стоила. И вспомнила я, как много раньше Бэла рассказывала мне эпизод из молодости Екатерины Осиповны: они с матерью ехали в Крым лечить ноги, но из-за гражданской войны пришлось надолго задержаться в Киеве; шли еврейские погромы, и они с матерью прятали у себя соседских еврейских детей. Если факты сопоставить, то нетрудно увидеть, что цепочка тут одна, что линия жизни не давала зигзагов. Гражданская совесть и гражданская определенность были в ней корневые, и она недаром гордилась тем, что по матери была «из тех самых Раевских». Другая ветвь родословной – по линии отца – уходила корнями в старую культуру Петербурга. Екатерина Осиповна была очень предана этому городу и всегда называла его Питер. На стене в ее большой комнате висел весь длинный «Невский проспект» Садовникова; она любила вспоминать случай из детства: она девочкой едет кататься по Петербургу в коляске с тетей Олей (родной сестрой отца) и удивляется, что проходящие и проезжающие постоянно приветствуют тетю – знаменитую балерину Ольгу Преображенскую.

Примечательно, что Екатерина Осиповна, будучи по натуре своей человеком закрытым и сдержанным, избегала откровенных разговоров о своем прошлом, о родственных связях, о пережитом, и мы весьма мало знали о ней и совершенно не были осведомлены о ее частной и личной жизни. Создавалось впечатление, что ее пермская жизнь началась с переезда сына Александра Яковлевича в Москву, его женитьбы на Бэле Рославлевой, рождении их сына Дмитрия – вот тут Екатерина Осиповна готова была рассказывать без конца. Она безгранично любила сына, гордилась им, всем сердцем приняла его замечательную

жену, с которой у нее всегда были взаимные глубоко уважительные и сердечные отношения; появление внука обогатило ее жизнь новым смыслом, и маленький Митька (так он по-любовному звался в нашем кругу) дал ей столько любви и радости, что все привходящие огорчения переживались легче и спокойнее. Мне удалось найти Александра Яковлевича, который продолжает жить в Москве вместе с сыном, и на мой призыв рассказать о Екатерине Осиповне он откликнулся воспоминаниями, проливающими свет на личность и судьбу матери. Я привожу их целиком, ничего не меняя и не сокращая.

Екатерина Осиповна (Иосифовна) Преображенская родилась в дворянской семье в Санкт-Петербурге, на Петроградской стороне, на небольшой улице Плуталовой в 1904 году и прожила до 18 лет у своих родителей, Осипа Осиповича Преображенского и Екатерины Михайловны Раевской в двухэтажном, деревянном, расположенном в глубине сада доме, сохранявшемся до начала блокады, во время которой он, по-видимому, был разобран на дрова. Осип Осипович до революции служил в банке. Был близок с «миriskусниками», особенно с К. Сомовым. Любил охотиться, и охотничьи собаки сопровождали мамино детство.

Школьное время Екатерины Осиповны проходило в немецкой Петершуле. Школьные подруги Екатерины Осиповны, впоследствии пережившие блокаду, замечательные женщины: Н.И. Бутова – поэтесса, член секретариата Союза писателей, М.В. Ребок – ведущий библиограф библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Зубова, бесстрашно ходившая во время войны на подлодке в качестве переводчика, – рассказывали мне о пережитом, когда я навещал их во время ленинградских командировок в 80–90-е годы.

В начале революции у Екатерины Михайловны обострился костный туберкулёз, и врачи рекомендовали ей поехать на юг, на воды. Мама рассказывала мне, как она девочкой с больной мамой, передвигавшейся на костылях, пробиралась через охваченную гражданской войной страну, отдельные

области которой переходили то к белым, то к красным, то под власть различных банд и атаманов. Стрельба, пожары, страдающие и гибнущие мирные люди и на всю жизнь запомнившиеся картины разорения и запах горелого человеческого мяса.

Вернувшись в Петроград и окончив школу, Екатерина Осиповна одновременно поступает в Педагогический институт и в Институт истории искусств, куда её приняли после небольшого собеседования, отметив хорошее знание немецкого и французского языков. Екатерине Осиповне сразу хотелось узнать многое, и она ходила, помимо обязательных занятий, на лекции Н.Я. Марра по языкознанию, на диспуты, посвящённые «Тайной доктрине» Е.П. Блаватской, на многие другие собрания, а также увлеклась богоискательством. Это последнее устремление, «неправильное» с точки зрения надзирающих органов, привело к аресту восемнадцатилетней Екатерины Осиповны и отправке её, по ироничной терминологии мамы, на «курорт». Этот «курорт» складывался из пребывания Екатерины Осиповны в тюрьмах, «пересылок» из одной в другую и ссылки к исходу 20-х годов в село Колпашево Томской области.

Свои ощущения от жизни в селе Колпашево примерно в это же время описывает известный поэт Н. Клюев в своих письмах оттуда, опубликованных не так давно в журнале «Новый мир». Как это часто бывает на «курортах», у моих будущих родителей в суздальской тюрьме завязался, посредством перестука – тюремного телеграфа, – такой специфический роман. Визуальное и прочее знакомство произошло много позже, так как «курортная» эпопея отца продолжалась в Казахстане.

«На воле» в это время скончалась мама Екатерины Осиповны, Екатерина Михайловна, похороненная в 1925 году на лютеранском Смоленском кладбище мудрым Осипом Осиповичем, рассудившим, что у них, лютеран, порядка больше, чем у нас, православных, и оказавшимся глубоко правым. Благодаря его провидению через 70 лет после смерти бабушки я нашел ее могилу, сохранившуюся в ходе

весьма беспокойного времени, богатого социальными и военными катаклизмами.

Сам Осип Осипович исчез в начале 30-х годов. Исчез, потому что ни семья архитектора Крестова, снимавшая в то время второй этаж в доме Осипа Осиповича, ничего не знала, и, может быть, даже боялась узнавать что-либо об исчезнувшем в то очень сложное в Ленинграде время, ни тем более ничего не знала сестра Осипа Осиповича, Ольга Осиповна Преображенская, ведущая (наряду с М. Кшесинской) балерина Мариинского театра оперы и балета, жившая тогда уже в Париже.

Ольга Осиповна окончила свои дни во Франции, где вела, по слухам, до последних дней балетную школу, и похоронена, приблизительно в 60-е годы, на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, о чем я узнал из телевизионной передачи по одному из каналов, посвященной посещению этого кладбища В.В. Путиным, упомянувшим среди других людей и О.О. Преображенскую.

В Колпашево Екатерина Осиповна жила среди других ссыльных и, в частности, дружила с Е.К. Кавтарадзе, бывшей в Грузии при Ное Жордания секретарем ЦК комсомола и дочерью той, к которой в свое время сватался И.В. Джугашвили.

В 1931 году родился я, а через десять месяцев моим родителям разрешили переехать в город Пермь. После ссылки разрешалось селиться только в определенных местах, и Пермь была выбрана родителями, поскольку там уже жили бывшие ссыльные и они могли помочь с первоначальным устройством на новом месте.

Сколько я помню, мы жили в Перми в двухкомнатной без кухни квартире, в двухэтажном доме по улице Луначарского, № 92. В Перми в то время были, кажется только два детских садика. Поэтому я рос дома под надзором сначала няни Егоровны, а потом и приехавшей в 35–36-м годах бабушки Любы, Любови Давыдовны, полной, своеобразной, любимой.

Родители искали-находили работу, часть которой делали дома. Мама делала переводы для университета, а папа составлял и рассчитывал строительные сметы.

Отец, Яков Михайлович Пик, родом из города Херсона, к началу революции прошел три курса Харьковского технологического института. В 18-м году отец воевал на стороне революции под Каховкой, но примыкал к меньшевистскому крылу РСДРП, что позднее, вероятно, стало причиной его арестов. Свой брак родители регистрировали где-то в Казахстане, где человек, делавший официальную запись, объявил им, что не знает отчества «Осиповна», и поэтому мама стала «Иосифовна».

Приближался 37-й год, и мои опытные родители, опасаясь за меня и бабушку Любу, отправляют нас в Калинин к сестре отца, Доре Михайловне. Тетя Доля приняла нас, и мы прожили у нее больше года. Пока мы жили у тети на берегу речки Тьмаки напротив текстильных фабрик «Вагжановка» и «Пролетарка», гудевших на всю округу, в Перми арестовали отца, а мама с узелком вещей у кровати ждала каждую ночь, что и ее «возьмут».

Когда мы вернулись в Пермь, у меня началась другая жизнь. Во дворе ребята «мерялись» отцами: сидит он или не сидит, давно ли сидит, какой у него срок и т.д. В это время Екатерина Осиповна уже работала на кафедре иностранных языков, которой заведовал Н.П. Обнорский. Она также подрабатывала, где только могла, чтобы прокормить нас и отцу на передачи заработать. Занятая с утра до ночи мама постепенно делала меня своим помощником и собеседником, объясняя мне причины и следствия происшедшего. Она рассказывала о бабушках и дедушках, объясняла, о чем можно говорить вне дома и каких тем следует избегать. Подрастая, я осознавал мамины слова; в отсутствие телефона был маминым курьером.

В университете мамины дела, по-видимому, складывались неплохо, так как в 1939 году Екатерина Осиповна была направлена делегатом в Москву на вузовское Всесоюзное

совещание преподавателей иностранных языков. В начале 1940 года, после двух лет заключения, освободили отца «в связи с прекращением следствия по его делу ввиду отсутствия улик». Как тогда говорили в народе – отец отсидел за фамилию. Отец много чего знал, и я помню, как мы ходили с ним теплыми вечерами на берег Камы, где он рассказывал мне про пароходы и баржи, проплывавшие по реке. Он рассказывал мне про паровозы и вагоны, проходившие под откосом высокого берега, а также про звезды на небе, свет от которых мчится из громадного далека.

Наступил 41-й год, и шел, как будто ничем не выделяясь. Но 22-го июня, в выходной день, когда мы всей семьей возвращались после просмотра кинокартины «Таинственный остров», мы услышали на улицах из репродукторов сообщение о начале войны с Германией. Через месяц-два в город начали приезжать эвакуированные, которых остряки стали именовать «выковырянными». К нам тоже приехали тетя Рита с Юркой и тетя Рая с Жанкой и грудной Светкой. И нас в квартире стало девять.

В ноябре предупредили о возможности авианалета. Заводы переходили на выпуск военной продукции вместо сепараторов, велосипедов и др. Прибывали эвакуированные предприятия. Пермь в это время уже была городом Молотовом, и отец стал работать в «Молотовугле». В город ненадолго переехал Ленинградский театр оперы и балета им. С.М. Кирова, и однажды приезжала танцевать Г.С. Уланова.

Кажется, в 43-м году Екатерину Осиповну вызвали в «контрразведку» и предложили поехать в штаб армии переводчиком, однако затем пересмотрели этот вариант, и мама стала готовить вместо себя молодую Аду Шмонину. Отца два раза призывали в армию и дважды отзывали по ходатайству предприятия, где он руководил строительством и четырьмя совхозами. У бабушки образовался тромбофлебит, и мы возили ее на детских саночках в больницу и обратно, в связи с чем она ворчала: «Какие ноги были, а теперь колоды!» В доме не говорили «ножки». «Ножки», по словам мамы, это у стульев.

Еду в доме готовила только бабушка. Готовила вкусно и интересно, а так как я постоянно крутился около, то ее объяснения по ходу готовки сохранялись в памяти и помогают мне до сих пор. В сшитых бабушкой ковбойках я ходил до университета. В доме всегда было много книг. Очень хорошие книги родители свезли в городскую библиотеку перед 37-м годом, чтобы не пропали, если «возьмут», и из-за денег. Эти книги, вместе с сохраненной Крестовыми мебелью из дома родителей Екатерины Осиповны привез отец, специально за ними съездивший в Ленинград. Позднее книги снова накапливались в доме и отцом, любившим заходить в книжные магазины, и мной, унаследовавшим это увлечение. Много читавшая бабушка предпочитала современную литературу, а относительно содержания книг старых мастеров иногда замечала: «А, это старое... Это я знаю...».

Отец умер от инсульта в один день в декабре 1957 года, когда бабушке был 81 год. Я приезжал на похороны и пробыл дома около месяца. В горе ни мама, ни бабушка не нуждались в помощи. Они справлялись сами, каждая по-своему, и в значительной степени независимо. Каждый день они поднимали себя и делали то, что считали обязанными делать с благожелательностью друг к другу и окружающим. «Кате надо приготовить... надо немножко испечь... сварить варенье для Сашеньки и др.» – бабушкины дела и заботы до самой кончины на 92-м году жизни, к которой она, казалось, тоже пришла осознанно.

...Последним человеком из пермского окружения Екатерины Осиповны, который общался с ней незадолго до ее кончины, была Елена Николаевна Полякова. Она рассказывает:

«Екатерина Осиповна любила ходить и много ходила, хотя и ездила в университет на 5 трамвае. Но в конце жизни у нее, как и у мамы и бабушки, болели ноги. Мы виделись с ней в последний раз в 1984 г., она жила у Саши, очень болели ноги, не могла ходить, а Белка в это время уже лежала в больнице в очень плохом состоянии у нашей соклассницы Дины Вараксиной в Зеленограде. Я приехала в августе в Москву,

позвонила Белке, Саша сказал, что ее положили на обследование, а через несколько дней поставили страшный диагноз. О чем я узнала тоже по телефону от Екатерины Осиповны (Белка никого не хотела видеть, вернее, не хотела, чтоб ее видели в таком состоянии). Я тогда полтора месяца была в Москве, приезжала и к Екатерине Осиповне (она была человеком очень сильного духа), и к Белке в больницу. Саше менее чем за год пришлось выдержать очень много: болезнь и смерть Екатерины Осиповны, болезнь (и временное ее отступление) Белки, выписку Белки и в это время капитальный ремонт дома без выселения, собственную работу, ухудшение состояния Белки и ее кончину.

Именно Екатерина Осиповна воспитала Сашу очень стойким, мужественным, последовательным. Даже в это тяжкое время он не бросал свои тренировки, занятия спортом. Он говорил, что его многие попрекали этим, но именно тренировки продолжали держать его физически сильным, а это было необходимо, чтобы выдержать всю эту нечеловеческую нагрузку».

...Думая сегодня об этой семье, оживляя в памяти детали отношений, встреч, бесед, я вдруг понимаю, что самым ценным и дорогим для этих людей является верность – себе и друг другу. Однажды Екатерина Осиповна на чей-то вопрос, почему она снова не выходит замуж, ответила: «Разве это обязательно?». Однажды полюбив, Бэла и Саша навсегда остались вместе, однажды поверив – сохранили верность, не разменяв ее...

* * *

В моем домашнем архиве сохранилась одна давняя публикация, посвященная Екатерине Осиповне. Автор ее – выпускница филфака и ученица Екатерины Осиповны Татьяна Сергеевна Шерстневская. Статья имеет внутренний изящный сюжет и очень личную интонацию Татьяны Сергеевны, нарушать которые очень бы не хотелось. Поэтому я сочла целесообразным не членить этот материал на отдельные цитаты, а дать его целиком, в том виде, в каком он был напечатан в приложении «Культура» к газете «Местное

время» в № 3 за 1998 год. Позволю лишь заметить, что парижская подруга Екатерины Осиповны, которую цитирует Татьяна Сергеевна Шерстневская, предлагает свою версию ее жизни, подтверждающую (не по фактам, а по сути) легендарность личности и судьбы Екатерины Осиповны.

Татьяна Шерстневская

ОНА БЫЛА... СВЕТОНОСНАЯ!

Париж накануне Рождества... Сказочный наряд города, колокольчики Армии Спасения. На улицах цветут анютины глазки, а во дворе музея Родена – даже розы.

Время еще достаточно закрытое, и такая поездка для меня была просто невообразима. А город оказался своим, прочувствованным, пережитым. И даже узнаваемым: вот собор, где венчался Милый друг; канавка, где потеряла туфельку прелестная Мюзетта... А это — лавка редкостей, где Рафаэль обрел шагреновую кожу.

Уже в конце маршрута наш гид, «эмигрантка с 13-ти лет» (дама 73-х лет с удивительной образной русской речью), объявила: «Посмотрите, вот здесь, в этом приюте, великая русская балерина Преображенская провела свои последние дни». Припомнив вид программки из Императорского театра — на шелку и по-французски, я подумала вслух: «А я, наверное, знаю ее родственницу — Екатерину Осиповну»... Реакция была мгновенной: «Так это же моя гимназическая подруга, мы за одной партой сидели, племянница балерины».

Вечером, когда все ушли после ужина в ресторане «За столом у короля» (средневековые камни, мох, плющ), наш разговор продлился.

— А вы знаете о судьбе Екатерины Осиповны? — вопрос гида.

— Нет, не знаю, но догадываюсь, что было в ее жизни что-то очень страшное.

— Она всегда была экзальтированной, с детства любила французскую культуру и решила принять католичество. Как

раз в 1937 году, и, естественно, оказалась в лагерях. Там она и встретила своего будущего мужа.

Екатерина Осиповна Преображенская читала нам курс зарубежной литературы. И все, о чем она говорила, тревожило, восхищало, оживало самым чудесным образом. Сражение романтиков с классиками на премьере «Эрнани»... Видения немецких романтических баллад, идеалы красоты и справедливости минувших времен становились живыми, современными, просто необходимыми именно в твоей душевной жизни.

А о судьбе ее мы тогда ничего не знали. Да и сейчас окружена тайной ее биография, и столько версий и легенд. Но коллеги по университету, давно уже остепененные ученики, сходятся в одном: уникальная женщина!

— Она была единственным человеком старой дворянской культуры, настоящей, глубокой, без; налетов, без примесей и она была... светоносная! (Н. Васильева)

— Представитель той культуры, что уже почти исчезла; она одна могла на приемных экзаменах на романо-германский факультет свободно переходить с одного языка на другой, третий... Как она была красива! (А. Любимова)

— В ней соединялась античная строгость отстранения и — щедрость. Общение, конечно, было избирательно. Екатерина Осиповна могла увлечься картиной, книгой, она читала все новинки раньше своих аспирантов и коллег. Премьеры, концерты, выставки — она была всюду. Ее культура не была снобистской, замкнутой. Она была очень доброй: в соседней квартире мальчик-инвалид оживлялся даже от произнесения ее имени, не только от присутствия. Она понимала его очень чутко. (З. Станкеева)

— Рассказы ее были прелестны. Она рассказывала маленькой Ксюшке, лет девяти, о своем детстве. Как они плыли мимо знаменитой скалы Лорелеи, и вдруг весь пароход запел знаменитую балладу. Или как за границей она, девочкой, испугалась морской волны и убежала. А мама ей выговаривала: нельзя бояться, могут подумать, что русские девочки трусливы. Или даже, как мама щипала ее, чтобы, по уговору, плакала громче (для отвлечения): из-за границы везли запрещенного Герцена. А истории ее петровских стульев, вольтеровского кресла! (Н. Гашева)

И вот я сижу в той квартире, где Екатерина Осиповна жила перед отъездом в Москву. Надежда Кирилловна Немира, дочь ее коллеги, приоткрывает горестные тайны.

— Нет, в Сорбонне не училась, это было невозможно. А училась в ленинградском Герценовском, откуда была отчислена и отправлена в Нарымский край в 1924 году. Но ректор, по счастью, сохранил документы, вместо того, чтобы их немедленно уничтожить.

Ее муж, инженер-строитель (и меньшевик) Яков Михайлович Пик, действительно познакомился с ней в ссылке.

Католичество, скорее всего, не принимала, а исключили из вуза за участие в теософском кружке, каких тогда было много. В Пермь прибыла в 1932 году...

У меня в руках последние письма Е.О. Преображенской из Москвы к Зинаиде Васильевне Станкеевой, коллеге и ученице. Они полны впечатлений от книг и последних журнальных публикаций. К сожалению, в Москве обострилась аллергическая астма, которой страдала в детстве. Екатерина Осиповна пишет: «Я помню, как кричала: “Мама, дай мне воздуха!” Врачи не знали, как мне помочь, и наконец один молодой врач из Петербургской военно-медицинской академии сказал маме: “Везите ее на берег океана, и пусть она целые дни возится с водорослями (йод!)”. И это мне помогло. Два года меня возили в Бретань, в рыбацью деревушку, а затем началась война». Похоже, детские впечатления определили будущую профессию и дали возможность чудесно оживлять минувшее для своих учеников, составляющих сегодня немалую часть пермского культурного слоя.

Интернет-журнал «Филолог»

http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_7_145